

Взять живым мёртвого

Автор:

[Андрей Белянин](#)

Взять живым мёртвого

Андрей Олегович Белянин

Тайный сыск царя Гороха #10

– Не позволю казнить Бабу-ягу! – орал царь Горох, топая ногами так, что терем шатался. Но судебное постановление из Нюрнберга у нас на руках, да и бабка по юности много чего в лесах накуролесила, так что старое дело о якобы съеденном ею принце Йохане легло на наши плечи. И чтобы доказать невиновность нашей бабушки, всей опергруппе придётся ехать аж в Европу! Ну да где наша не пропадала! И тут бы не пропала, если б не скандальный дьяк и «волчий крюк»...

Андрей Белянин

Взять живым мёртвого

Меня разбудил петух.

Сколько раз я обещал себе расстрелять его перед строем без права на последнюю сигарету?

Но первые «ку-ка-ре» уже прогремели, а пока последнее «ку!» ещё не до конца отозвалось эхом на всё Лукошкино, моих губ нежно коснулись губы Олёны. Как же чудесно, когда утро начинается с поцелуя любимой...

Я немного вернусь назад (кто-то объяснял мне, что в художественной литературе так принято), возможно, эта книга попадёт к читателю, который ничего не знает ни обо мне, ни о милицейской службе, ни о всей нашей героической опергруппе? Хорошо, играем по вашим читательским правилам.

Итак, представляюсь, я – Ивашов Никита Иванович, родился и вырос в Москве, выпустился младшим лейтенантом милиции и во время общегородских учений полез не за тем, не в тот дом, не в тот подвал, а наружу выбрался уже в другом мире. Как говорится, добро пожаловать к нам, в сказочную Русь правления царя Гороха, в стольный град Лукошкино!

Расквартирован в тереме настоящей (зуб даю!) Бабы-яги. Милая старушка с жуткой улыбкой, чуть прихрамывает на костяную ногу, возраст – лет за триста, полагаю; ещё у неё есть большущий чёрный кот и хозяйственный домовый Назим из горного Азербайджана. Кстати, сама бабка на пенсии, со скуки втянулась в наши милицейские расследования, и, скажу я вам, лучшего эксперта-криминалиста на всём белом свете не найдёшь!

В том же тереме как-то ухитрилось разместиться всё наше отделение: тут и допросная, и поруб во дворе для особо буйных, наш архив за печкой, конюшня со служебным транспортом (рыжая кобыла и волшебная Сивка-Бурка), а ещё по двору марширует стрелецкая сотня Фомы Еремеева, которую в народе давно милицейской прозвали. Серьёзные ребята, почти спецназ.

Ещё у нас есть Митя. Легендарная личность. Фигура молодого Ильи Муромца с умственным уровнем Карлсона. У него даже моторчик жужжит в одном месте, спокойно жить не даёт, ни дня без приключений, и уж если Митька куда влипнет, то не по помидоры, а сразу по грудь! Во всём прочем – свойский парень, добрый, верный, и отделение для него дом родной. Вроде всё?

Ох нет, я же ещё женился недавно, мы потом даже в свадебное путешествие на Стекланную гору ездили. Весело, конечно, но желания повторить как-то нет.

– Никитушка, Олёнушка, идите уж, завтрак стынет!

– Иди, иди, – ласково подтолкнула меня молодая жена, в прошлом профессиональная бесовка на службе Кощея Бессмертного.

Это у нас, если кто забыл, такой криминальный авторитет. Если взять все резонансные преступления за последние сто – сто пятьдесят лет, то практически за каждым будет маячить зловещая тень этого гения преступного мира. Он далеко не дурак, образование имеет отменное и мог бы быть полезным членом общества, если бы не его маниакальные наклонности и уверенность, которую он лично культивировал в себе с младенчества, что законы не для него писаны.

– А ты?

– А я причешусь и за тобой.

– Нет, давай я тебя здесь подожду.

– Никитушка-а! – На этот раз в бабкином голосе прозвучали далёкие отголоски близкой раздражительности.

После нашего последнего дела Яга вернулась в Лукошкино молоденькой горбоносой красоткой. Но по непонятным для меня причинам оставаться таковой не захотела, добровольно вернувшись в старый облик. Хотя... не знаю... возможно, она и права, жить с молодым телом и умом трёхсотлетней старухи – это... Нет, у меня в голове не укладывается.

Да и, честно говоря, к классической Бабе-яге мы уже все как-то привыкли. Притерпелись и даже по-своему любим. В общем, мне и вправду лучше поспешить вниз. В третий раз бабка звать уже не станет, сама прибежит с топором.

– Доброе утро, бабуль. – Быстро сбежав по лестнице вниз, я чмокнул Ягу в морщинистую щёку. – Олёна скоро будет, причёсывается. Что у нас на сегодня?

– Ну, по первому делу кашку пшеничную с ветчиной домашней откушай. – Бабка усадила меня за богато накрытый стол. – Хлеб свежий, расстегаи рыбные только из печи, сметанка к блинам с маслицем да чай с мёдом!

– Я лопну.

– Пузо зашить – дело нехитрое.

– Тогда растолстею и перестану в дверь проходить.

– А тебе оно так уж надо, милоч? – парировала Яга. – Дома сиди, пушай за тебя вон еремеевцы бегают, да и Митяй, коли без дела сидит, сразу портиться начинает.

– Кстати, где он?

– На базар пошёл, капусты свежей прикупить, мясца говяжьего, круп владимирских, маслица подсолнечного, соли баскунчакской да ещё...

– Бабуля, его к капусте вообще подпускать нельзя! Для него это слово, «капуста», воспринимается как приказ свыше: иди и сожри весь бочонок у тётки Матрёны! – напомнил я.

– Да тьфу на тебя, Никитушка, не доверяешь ты парнишке, не любишь его.

Ну, спорить не буду, жену я люблю больше, чем Митю, это верно. Он у нас специфический типаж, сам по себе просто обожает милицейскую службу, но ещё никто по большому счёту не приносил столько вреда имиджу самой милиции, как наш младший сотрудник Дмитрий Лобов!

Хорошо ещё, что лукошкинцы у нас граждане сознательные, если что, они его то в ковре завернутого, то в том же бочонке упакованного в отделение доставляют. Мы извиняемся и перевоспитываем, и всё по новой, это наш крест...

– Явилась – не запылилась, сноха ненаглядная. – Баба-яга церемонно расцеловалась с Олёной в чисто московской манере.

То есть чмоки-чмоки, но не касаясь щёк друг друга. Они «сдружились» за время совместного пребывания на Стеклянной горе в плену у Змея Горыныча. Не сказать, что наипервейшие подружки, конечно, но уже и не враги. А ведь было время, они тут так собачились – туши свет, бросай гранату.

– Да ешьте уже, остынет всё!

Мы втроём церемонно уселись за стол. Как раз вовремя, чтобы краем глаза увидеть, как в ворота отделения въезжает карета немецкого посла Кнута Гамсуновича. Это наш старый добрый арийский друг.

– Ещё одну тарелку поставлю, – сорвалась с места Яга. – Такие ж люди! Энтот добрый человек Кнут Плёткович...

– Гамсунович, – на автомате поправил я.

– ...мне на прошлом месяце мазь европейскую для поясницы представил. На пчелином укусе! Уж до того полезная, прям слов нет, аки молоденькая кругами по двору забегала, ибо так жгло, так жгло, что уж убила бы гада-а!!! Пойти, что ль, хлебом-солью встретить?

Пока моя домохозяйка дунула к себе в горницу наряжаться к визиту дорогого гостя, мы с женой усталились в окно. Из кареты, распахнув дверцы, вышел... Митя.

– А где Кнут Гамсунович? – в один голос спросили мы, дружно косясь на большой бочонок из-под кислой капусты, который наш младший сотрудник выкатил из той же кареты. Из-под плотно прижатой крышки виднелись локоны посольского парика. Мать моя юриспруденция-а...

– Милый, и ведь уволить его нельзя, я правильно помню?

– Увольняли уже раз шесть, всё без толку, – тоскливо подтвердил я. – Но на такой крупный международный скандал он нарываётся впервые. Ну и мы, получается, тоже, на радость всей Чукотке, сели голой задницей в тёплый тюлений жир.

Олёна покосилась на меня с недоуменным уважением (если так можно выразиться), но не объяснять же ей, что у нас в школе милиции полковник-якут и не такие шуточки отпускал. В массе своей крайне неприличные.

– Здрав будь, Кнут Гамсунович, гость дорогой, – на автомате выдала Баба-яга, в новеньком сарафане, в руках хлеб-соль на подносе, а в глазах искренняя любовь ко всей цивилизованной Европе.

Митяй молча бухнул бочонок с послем на пол, снял крышку и широко, от плеча к плечу, метр на метр, перекрестился.

– Докладывай, – приказал я, пока Олёна обмахивала полотенцем осевшую на пол бабку.

– А и шёл я, шёл да добрый молодец, – распевно начал наш богатырь, которому по факту место не в органах, а на сахалинской каторге. – Никого не забижал, доброму люду весь улыбался, а... Что ж вы, и «ай люли-люли» не скажете?

– Митя, не заводи, и так нервы не казённые, – ответил я и вдруг сорвался: – Ты с какого пьяного лешего вдруг иностранного дипломата в бочонок упаковал, сволочь? Третью мировую спровоцировать решил, а?!

– Утешьтесь, Никита Иванович. – Наш младший сотрудник легко и очень вежливо отвёл мои руки от своей шеи. – Причина на то имеется весомейшая. Ибо наш общий друг, посол немецкий, самолично меня на базаре остановил и до отделения довезть предложил в своей же карете.

– И за это ты его мордой вниз в квашеную капусту?

– Нет, как можно! Я же честь мундира блюду со страшной силою. Не за это дело мне Кнута Гамсуновича паковать пришлось. А за заявление!

– Какое заявление, дубина?!

Олёна на минуту оставила бабушку, чтобы повиснуть на моих плечах.

– Так он же... это... на Бабуленьку-ягуленьку полнейшее заявление написал, – скорбно выдохнул Митя. – Дескать, убийца она и преступница страшная. Таким, дескать, в отделении не место! И, главное дело, подлец, врал бесстыжим образом, будто бы доказательства у него имеются.

– Какие ещё доказательства? – опешил я.

– А такие, что якобы принц австрийский Йохан-прекрасный в последнем письме сообщил отечеству, что гостит на Руси у красавицы Яги. Опосля о нём ничего

известно не было. Ну, кроме традиционного «йоханского мясца поем, а на его же косточках покатаюся». Но то слухи...

В отделении повисла тишина. Долгая и очень нехорошая. Баба-яга замерла с разинутым ротиком, чуть согнув колени и расставив руки в позе городничего из «Ревизора», говорящего «вот тебе, бабушка, и Юрьев день!».

Олёна с испугом уставилась на меня, я с недоумением и обидой на Митьку, он с полным осознанием своей правоты на всех нас. Пауза затянулась...

Вдруг из бочонка поднялась узкая немецкая рука, погрозив всем нам длинным сухим пальцем.

– Посла в баню, – быстро скомандовал я. – Вымоешь, выпаришь, водкой угостишь и в чистом белье сюда! Мы хоть как-то успеем подготовиться.

– Слушаю и...

– ...и повинуюсь.

– Слушаю и повинуюсь, батюшка сыскной воевода! – вытянулся под козырёк наш младший сотрудник. – Разрешите идтить выполнять, мыть, поить, парить?

– Разрешаю.

Митька вновь взвалил себе бочонок на плечо и строевым шагом умёлся в баню. Мы с супругой осторожно выдохнули.

– Что это было, милый?

– Не знаю, Олёна. Но, с другой стороны, у нас тут есть кое-кто, способный пролить свет на эти «преданья старины глубокой». Бабуля? Подъём!

Яга подскочила так, словно ей дефибриллятор к ягодичным мышцам подключили – с места и маковкой до потолка! По-моему, там даже какая-то доска хрустнула, не знаю, не уверен.

– Вы всё слышали? Если я правильно понимаю ситуацию, то, возможно, нам грозит внутрислужебное расследование. Не поделитесь, что там на самом-то деле вы учиняли со всеми этими царевичами-королевичами?

Баба-яга сдвинула бровки, поджала губки и, едва сдерживая слёзы обиды, гордо ушла к себе в комнату. Ну, типа «ой, всё!».

– Еремеева сюда! – устало приказал я.

Олёна картинно козырнула, прищёлкнула каблуками, резко развернулась, махнув косой, и скрылась в сенях. Фома Еремеев, начальник стрелецкой сотни при отделении милиции, явился меньше чем через минуту, словно просто ждал за дверью.

– Здрав будь, Никита Иванович!

– Присаживайся. Чай будешь?

– Нет, не до того, уж прости за прямоту.

– Понял, в задницу чай, докладывай.

Доклад, как вы, наверное, уже поняли, был пространным...

Еремеевцы дежурят по всему городу: семьдесят пять парней днём и двадцать пять ночью. То есть свидетелей того, как наш Митя Лобов ни с того ни с сего бросился на немецкого посла, подмял под себя, как медведь скомороха, забил в рот кляп из кислой капусты, при всех матом проклял тётку Матрёну за то, что она, стерва, бруснички недокладывает, и, сложив Кнута Гамсуновича вчетверо, сунул в пустой бочонок, – хватало выше крыши царского терема!

Кто-то из прохожих выразил даже не протест, а некоторое изумление этим беззаконием, но заткнулся, получив в физиономию солидную порцию всё той же кислой капусты с брусникою. Рука у нашего сотрудника тяжёлая, и капусты в ладонь помещается много. Также куча народу видела, как он вкатил бочонок в карету посла и погнал перепуганного кучера матом напрямиком в отделение. В общем и целом ситуация выходила неприглядная.

К тому же не успел Фома толком разъяснить мне, что в принципе его ребята полностью на стороне отчаянного Митяя, как в ворота отделения вломилась целая делегация от боярской думы. Как им и положено, с двумя хоругвями и одной иконой наперевес, с царской охраной, пищалями, топориками, пушками! Обнаглели в хлам...

Нет, пожалуй, я увлёкся, это раньше они заезжали сюда, как к себе домой, а теперь уже вполне себе пообтесались. Поняли, что звучная дворянская фамилия ни в коей мере не защищает от «милицейского произвола», как думские бояре называют законопослушание. Короче, при всей помпе замерли под недобрыми взглядами еремеевцев. Ждут-с...

- Заводи.

- Может, в порубе потомить до вечера? Вежливее станут.

- Фома, не искушай, самому хочется. Веди их уже.

Олёна, поспешно убрав со стола, присела в уголке, изображая Бабу-ягу, а я постарался сделать максимально строгое выражение лица, бояре такое любят. У них, как у любых чиновников, крайне выражено врождённое преклонение перед силой. Уж поверьте, вот если с этого всё и начиналось, то в будущем ничего не изменится.

- Здоровья тебе и блага сему дому, сыскной воевода! - с поклоном приветствовали меня двое молодых, зелёных бояр. Наверняка подростки сыночки тех, кто ещё в прошлом году требовал моего публичного повешения.

- И вам не хворать, граждане. Чем обязан?

- Батюшка сыскной воевода, не вели башкой в поруб совать, вели слово молвить, - осторожно выдал самый умный из двух. - Слухи ходят, что, дескать, сотрудник твой, Дмитрий Лобов, самого посла из Немецкой слободы заарестовал за невесть что, на базаре в бочку сунул и смерти безвременной предал через казнь лютую!

– Ну что ж, – подумав, широко улыбнулся я, подмигнув Олёне. – Немецкий посол, как известно, добрый друг нашего отделения милиции и в данный момент весело парится в бане с тем же Митей Лобовым. Да я и сам хотел к ним присоединиться. А как вы смотрите на баньку в милиции?

Бояре быстро переглянулись.

– А что ж, сотрудник твой младший парить будет?

– Естественно! Рука у Мити тяжёлая, но нежная.

Молодые боярские сынки нервно сглотнули и пошли на попятную, – думаю, у них были определённые указания на эту тему. По крайней мере, я даже не успел толком описать им все замечательные перспективы, как ребят ветром сдуло из горницы. Хм, прежние были покрепче, пока башкой в поруб не сунешь – не унимались. Эх, молодёжь...

– Никита, мы в дерь... В смысле – у нас беда?

– Беда не то слово. Вот в дерьме – это правильно. И не слабо! По ноздри как минимум.

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже люблю. Но это ведь не уменьшает уровень проблем на моей работе?

– Нет, – честно согласилась бывшая бесовка. – Более того, я в таком аху... оху... То есть если Баба-яга хоть в чём-то виновата, то ведь это пятно на всё отделение, верно?

– Верно, Олёнушка, – скорбно откликнулась моя старая домохозяйка, выходя из своей комнатки. – Чую я, пора нам одним нос к носу пошущукаться, покуда царь Горох цельное войско не прислал моего аресту ради.

– А есть повод?

– Есть, Никитушка. Сам знаешь, повод для аресту – он завсегда есть.

И, быть может, впервые я не нашёлся с ответом.

Да, мы не в первый раз подвергались подозрениям со стороны государевой боярской думы. И нет, до сих пор все их инсинуации касались исключительно нас, не задевая граждан других государств. Да какого русского хрена в импортном маринаде я несу?!

Это же Кнут Гамсунович! Порядочнейший немец на всём белом свете! Друг нашего отделения, поставлявший нам настоящий кофе, а в пиковый момент сумевший личным примером поднять под ружьё всю Немецкую слободу на защиту нового «фатерлянда», то есть родного Лукошкина!

У нас никогда не было такого друга, и он тоже знал, что, случись что, вся лукошкинская милиция выступит единым фронтом за порядок и закон в его слободе. Да что там, многие русофилы на базаре упрекали нас в отсутствии патриотизма за дружбу с иноверцами! А теперь немецкий посол направился к нам с предложением арестовать Бабу-ягу?! Слов нет...

– Никита, по-моему, тебе пора в баню, – практически в один голос объявили моя домохозяйка и моя молодая жена.

– Кстати, да, – поспешно согласился я. – Действительно, почему бы покуда не сходить помыться? Я же ещё вчера в бане был. Перепачкался за ночь, как зебра в ксероксе – и вроде чёрная, и вроде белая, как посмотреть. А вы со мной не пойдёте?

На меня и посмотрели так, что я предпочёл ретироваться без слов. То есть всего того, что я до этого наговорил, было более чем достаточно. Я, конечно, не знаю, что бы мне сказала Олёна, но то, что бабка могла колдануть вслед, и неслабо, кто бы сомневался.

– Пусть Еремеев никого в отделение не пускает! Через час-полтора я сам приеду к государю и всё объясню.

В ответ один воздушный поцелуй и один сострадательный кивок. Ну и ладно, не в первый раз, в конце концов. Азербайджанский домовой Назим уже в сенях, из-под лавки, подал мне комплект чистого белья и полотенце. Хороший мужик, хоть и горбоносый, а готовит вообще как бог! Не наш православный, а какой-то их, бакинский бог, но долма у него невероятно вкусная...

– Митя, открывай, свои. – Я деликатно постучал в дверь старой баньки.

Из маленького полуприоткрытого оконца донеслись хлещущие звуки ударов веника и приглушённые стоны: «Я, я! Дас ист фантастиш!» Ну, посол у нас в Лукошкине давно живёт, привык ко всему и поддать русского парку любит.

Я толкнул дверь посильнее, не заперто. Что ж, тогда можно не стесняться, в бане генералов нет. Я быстро разделся в предбаннике и шагнул в парилку. Каково же было моё удивление, когда оказалось, что орал не Кнут Гамсунович.

– Я, я, майн камрад, – в голос стонал Митька, пока красный от натуги немец яростно охаживал его берёзовым веником. – Зер гут, битте, битте, данке шё-он-он...

– Так, младший сотрудник Лобов, приказываю прекратить участие в съёмках взрослого кино, – рявкнул я. – Быстро окатился водичкой и приготовил нам чай в предбанничке!

Он бодренько вскочил на ноги, вылил на себя ушат ледяной воды, заставив взвизгнуть от попавших капель и меня, и немецкого гостя, после чего метнулся исполнять. Мы с послом голышом (в рифму!) завели необременительный разговор о погодах, видах на урожай в Вестфалии и планах погулять с глинтвейном на католическое Рождество где-нибудь в том же Бремене.

Спрашивать в лоб о причинах его планируемого визита в отделение было как-то неудобно.

Да и сам Кнут Гамсунович вёл себя несколько странным образом. Человек, который ехал в отделение милиции для подачи заявления на нашу бабушку, а в результате без ордера и объяснений арестованный Митяем, доставленный в собственной карете упакованным в пустой бочонок из-под квашеной капусты и приведённый в порядок в бане, ни капли не обиделся и даже оказал ответную

услугу в парилке своему недавнему мучителю?!

Ну, положим, «мучитель» – сильное слово. Наверное, Митин поступок можно было бы охарактеризовать как «превышение разумных границ служебного рвения, вызванное стрессовой ситуацией в связи с избыточным пониманием своего милицейского долга».

– Чай, чаёк поспел! – высунулся из предбанника наш проблемный парень. – Никита Иванович, отец родной, прошу пожаловать чаю откушать! И жидомора этого тощего с собой зовите, у меня рука не поднимается, как вспомню, что он на бабуленьку преподлейший донос накатыл!

– Брысь! – рявкнул я, и Митя гордо удалился, довольный своим патриотическим героизмом.

Типа и правду-матку в лицо изрезал, и начальства не убоился, на казнь египетскую за это дело пойдёт со всем христианским смирением. Он у нас такой, позёр со стажем.

– Нам надо поговорить, так?

– Яволь, гражданин сыскной воевода, – покивал Кнут Гамсунович, опустив взгляд. – Во-первых, я не жидомор. Это айн! Во-вторых, я не тощий, у меня сухопарое телосложение. Это цвай!

– Гражданин Шпицруттенберг, прошу вас принять мои официальные извинения за грубость нашего младшего сотрудника.

– Это есть обычная, как у вас говорят, отмазка?

– Совершенно верно.

Мы пожали друг другу руки и уселись в тёплом предбаннике, завернувшись в простыни. На низеньком столике (ну или, честнее, на свободной лавке) были расставлены расписные чашки, блюдечки с вареньем, сушками, баранками, урюком, пахлавой, цукатами и орешками. В пузатом чайнике настаивался знаменитый «Азерчай». Домовой Назим мягко и ненавязчиво сумел сделать нашу

домашнюю кухню не такой русской. Иногда мне даже кажется, что кормят у нас прямо как в московском филиале «Бакинского дворика».

– Итак, что же касается «доноса» и претензий немецких спецслужб к старейшей и заслуженной сотруднице нашего отделения...

– Я охотно объяснюсь, герр Ивашов, – в привычно церемонной, дипломатичной манере начал наш гость. – Вы прекрасно знаете, сколь долгие и, я бы сказал, дружественные отношения связывают Немецкую слободу и отделение милиции. Было время, когда ваши доблестные стрельцы защищали нас, мы в свою очередь не единожды вставали против врагов нашего общего дома, прекрасного города Лукошкина. Более того, лично вы спасли мою жизнь и честь. Однако, мин херц...

– Я понимаю, что вам трудно, но вы обязаны.

– Да. Увы, но я обязан передать его величеству царю Гороху ноту протеста от нашего государя Фридриха Вильгельма. Неожиданно в европейских кругах...

– Вы имеете в виду СМИ и всякие газеты?

– Газеты – это развлечение легкомысленных французов. Нам, честным немцам, важнее сплетни. Больше всего мы боимся разговоров за спиной. – Посол взял один розовый цукат, пожевал и с удовольствием отхлебнул чаю. – Ситуация такова, что если вина вашей Яги в убийстве принца будет доказана, то мой король Фридрих потребует её наказания где-нибудь в Мюнхене или в Бамберге.

– Но это не Австрия.

– Зато там прекрасные большие площади, идеально подходящие для сжигания ведьм.

На мгновение я вдруг ощутил всю прелесть опасного Митиного безумия. То есть мне жутко захотелось тут же на месте придушить посла и убрать дело «под сукно». Видимо, Кнут Гамсунович прочёл что-то подобное в моих глазах.

– Даст ист майне шульд[1 - Это моя вина (нем). – Здесь и далее примеч. авт.], герр Ивашов. Я, быть может, не был достаточно вежлив и корректен. Но поймите

меня правильно, в Европе уже зреют некие протесты, определённые круги заинтересованы в ключевом противостоянии России и Австрии. Поэтому если дело о пропавшем наследнике престола не получит должного разрешения, то государю Вильгельму просто придётся объявить вам войну. Без вариантов!

– Да неужели?

– Я, я! Он не хочет этого, но он будет вынужден спасти свой авторитет. Пропавший принц Йохан-прекрасный Себастьян был очень популярен у знатных фройляйн королевской линии многих стран. И, как это ни странно звучит, похоже, именно ваша Баба-яга видела его последней.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы более-менее уложить в голове события, реальность, факты, домыслы, фантазии, планы геополитики и предположить, что будет прямо сейчас, если мы не вмешаемся в это крайне мутное дело...

– Еремеев! – Я высунулся из бани.

– Здесь, Никита Иванович, – откликнулся с крыльца командир стрелецкой сотни.

– Хватай всех своих в охапку и рысью дуй к Немецкой слободе! Приказываю окружить их со всех сторон и защищать всеми законными средствами.

– Да что случилось-то?

– Очень надеюсь, что ничего НЕ случится. Немцы не должны пострадать. Давай же, Фома неверующий, не тяни!

Он пожал плечами, но уже через минуту по двору забегали вооружённые стрельцы: еремеевская команда быстрого реагирования готовилась к короткому походу.

– Кнут Гамсунович, вам нужно остаться здесь. Когда царь Горох узнает, что король Фридрих Вильгельм грозит ему войной, если он не позволит европейскому суду сжечь нашу Бабу-ягу... Всё! Абзац! Немецкой слободе конец, а вы отправитесь либо в тюрьму, либо на каторгу, либо на плаху.

– Тогда я обязан быть со своими соотечественниками! Мы ни в чём не виноваты, мы законопослушные немцы и любим свою новую Родину! Государыня Лидия Адольфина не допустит...

– Учитывая её личную дружбу с бабулей, государыня своими руками закуёт вас в кандалы, – прорычал я, лихорадочно одеваясь. – Вот вроде бы взрослый человек, дипломат, прожили здесь куда больше, чем я, а элементарных вещей не знаете.

– О, это опять ваша таинственная русская душа? – нервно фыркнул посол.

– Нет, скорее тот факт, что «таинственная русская душа» штука заразная. И теперь ваша австрийская принцесса воспринимает себя исключительно русской царицей. Русской! И ныне интересы Лукошкина для неё превыше интересов любой объединённой Европы! Так понятнее?

Кнут Гамсунович замолчал. Видимо, подобный расклад просто не приходил ему в голову.

– Письмо с претензией в царской канцелярии?

– Да. Я поспешил, сначала нужно было обратиться к вам, верно? Но это дипломатическая почта, мне непозволительно нарушать правила.

– Ещё раз убедительно прошу вас, оставайтесь в отделении, Митя за вами присмотрит. А я – пулей к Гороху.

Старая телега с надписью на задке «Опергруппа» была подана в рекордно короткое время. С благообразной рыжей кобылой я отличнейше управлялся сам. Поцеловал жену, крепко обнял Митьку, шёпотом дав ему строжайший приказ беречь немецкого посла, и вслед за еремеевцами выехал за ворота. Яга всё это время даже носу не высунула из своей горницы. Только толстый чёрный кот Васька прощально помахал мне лапкой с крыльца, и на морде его было написано самое скорбное выражение...

– Пошла-а, рыжая! – Я присвистнул на разбойничий манер, и загорающаяся не меньше нас милицейским азартом лошадка перешла на бодрую рысь.

Неровная булыжная мостовая вела через Базарную площадь, но ещё ни разу не было такого случая, чтобы моё явление народу осталось неоткомментированным. Да, да...

– Люди добрые, да куда ж это Никита Иванович с утра спешит? Все мужики-то ещё в бабской ласке греются, а его словно змеюка подколотая за одно место укусила! Да знаю я, что он женат! Жёны, они тоже порой кусаются. И именно за это место зубами норовят...

– Ой вей, кругом одна милиция! Стоит скромному еврею выйти на улицу, а органы от правопорядка уже там и все в напряжении. Шо я такого сделал, шо милиция за мной таки уже и скачет? Не за мной?! Какая досада, а мы уже думали, шо наконец-то начались гонения и притеснения. Опять жалобу не на кого писать, шо за жизнь, таки нас снова кинули, евреи?!

– От ить сыскной воевода полетел. Куды? Не сказал. Почто? Не признался? Вот она, молодёжь, пошла, никакого уважения к старости. Нет чтоб сесть по-людски, объяснить дедушке не спеша – куда, зачем, почему, чё будет, кого арестуют, кто плохой, какой срок дадут? Поехал себе, да и тьфу!!!

Не то чтобы мне всё это было жутко интересно, но базар есть базар, тут всего и всякого наслушаешься, без вариантов. Народ у нас разный, и, как говорится, на все рты платков не хватает, а наши люди всегда лепят в лицо всё, что думают.

– Эх, да будь я помоложе, хрен бы он у меня вообще из постели вырвался! Какая к лешему служба? На мне служи! И так и сяк, и слева, и справа, и сверху, и вообще, чтоб самих мыслей с бабы слезть не было! А я те тоже отслужу, хучь в ошейнике, хучь в собачьем наморднике. А почему нельзя? Кто сказал? А ежели мне оно так нравится? А мужик пуцай терпит, на то он и мужик! Чё скажете, бабы, где я не права?!

В общем, вы всё поняли, слышали не в первый раз, да? Хотя, как понимаете, привыкнуть к этому невозможно. Примерно с той же степенью нереальности, как не встретить дьяка на государевом дворе. То есть это по факту невозможно.

– Явился не запылится, – приветствовал меня стоящий за воротами гражданин Груздев Филимон Митрофанович, самый страшный сон всего отделения милиции.

Между собой мы называем его «геморрой во плоти», «происки Америки», «буревестник думского приказу», ну и ещё ряд уже не вполне приличных прозвищ. Любые попытки хоть как-то смягчить нашу вечную войну к положительным результатам не приводили. Даже когда он нам помогал, а один раз вообще чуть не женился на вдовой Митиной маме.

– Куды ты прёшь, милиция неподкованная?!

Дьяк едва успел отпрыгнуть в сторону, когда наша рыжая кобыла чуть не цапнула его зубами за длинный нос. Промахнулась, к сожалению.

– Не лезьте под колёса опергруппы! У меня срочное донесение к царю! – на весь двор проорал я, спрыгивая с телеги. – Мужики, пропустите без записи?

Царские стрельцы кивнули, они знали нас не первый день и, уж как водится, в бюрократических приёмных не томили.

Пока дьяк матом лаял меня и раздражённую несправедливым обвинением лошадь, я быстренько взлетел по ступенькам на третий этаж царского терема.

– Где Горох?

– Государь бояр слушать изволит, – шёпотом объяснили мне два бородача с топориками у дверей. – Но ты заходи, сыскной воевода, ежели что, уже два раза об тебе вспоминали.

– С меня причитается, парни, обращайтесь!

– Понимаем, сами службу несём, – весомо подтвердила царская охрана, опуская бердыши и, соответственно, пропуская меня в зал заседаний боярской думы. Ох и страшное это место, доложу я вам...

– Никита-ста Ивашов, сын Иванов, – доложили стрельцы, распахивая передо мной двери. – Сам сыскной воевода царю Гороху челом бьёт и нижайше принять просит!

Я кротко выдохнул и шагнул вперёд. Это как прыжок с разбегу в крещенскую прорубь!

В думе ко мне хорошо относится лишь один старый боярин Кашкин да паратройка сочувствующих молодых бояр. Прочие находятся под влиянием пузатого думца Бодрова, на которого в свою очередь изо всех сил давит его жена. В общем, там всё запутано, тёмно, сложно и стрёмно, не пытайтесь понять, я сам в каждодневном недоумении. Чего я ей такого сделал, если мы даже и не встречались ни разу?

Однако царь Горох продолжал прислушиваться к милиции чисто из принципа, так как абсолютизация власти штука опасная во все времена.

– Ну заходи, заходи, сыскной воевода, я на тебя гневаться изволю, – в традиционной русской манере принял меня наш государь. – Жалуются граждане! Вот, целую петицию на латинский манер накатали, а дьяк Филимон Груздев все претензии народные к милиции записать успел да через бояр моих верных пред очи мои светлые представил.

Бояре грозно хмурили брови, исподлобья прожигая меня многообещающими взглядами. Чего уж, один раз они меня прямо тут, в царском дворе, едва не повесили! Навалились пятьдесят на одного, тот же дьяк Филька верёвку притащил, и если б не Горох...

– Что скажешь, милиция? Велю тебе при всей думе боярской ответ держать.

– Подтверждаю, – честно кивнул я. – Жалобу писал гражданин Груздев, очи у вас светлые, ответ держу. Ещё вопросы есть?

– Так что ж, бояре, есть ли у нас ещё вопросы? – Царь выгнул соболиную бровь дугой.

– Дык... не отказывается ни от чего вроде... казнить бы по случаю, государь?

– Казнить – это дело нехитрое, однако ж обратно ему голову не пришьёшь. Раз всё признаёт и кается, стало быть...

– Миловать, что ли?! – едва ли не со слезами взвыл толстяк Бодров, закусывая бороду. – Что за жизнь настала, что за порядки? Хочешь человека на плаху отправить, а фигу! Законы какие-то понавыдумывали...

– Я так понимаю, это вы сейчас на царя наезжаете, гражданин? – строго заметил я. – Будете заявление писать или сразу пешком на каторгу? Сочувствующие есть? Кто ещё разделяет вашу точку зрения? С кем вы состоите в переписке? Сколько человек вовлечено в вашу тайную организацию? Минуточку, я достану блокнотик. Итак, записываю!

– Бежим, православные! – истошно завопил кто-то из самых первых рядов. – Милиция дело шьёт, срок мотать заставит, небо в клеточку, друзья в полосочку. Бежи-и-им!!!

Собственно, и минуты не прошло, как заседание думы было приостановлено в связи с отсутствием ранее присутствующих. Это стадо бородатых слонопотамов с посохами и длинной родословной успешно затоптало в пути гордого дьяка Груздева, автора очередной петиции «от народа супротив органов». Наверное, можно было бы чуточку позлорадствовать, но ведь дьяк-то всё равно выживет, он у нас как цветок в проруби – суть неутопляемый.

– Пошли ко мне, Никита Иванович. – Горох снял корону, повесил её на спинку трона и протянул мне ладонь. Рукопожатие царя было крепким и тёплым.

– Нет, к вам пойдю, вы настойками угощать станете, а у меня дело серьёзное.

– Да я уже третий день капли в рот не беру. Ей-богу! Кстати, зануда ты и есть.

Угу, можно подумать, он сам не берёт. Ему царица не позволяет. Лидия Адольфина, бывшая австрийская принцесса, сухая, как швабра, но с четвёртым размером бюста, гвардейской выправкой и нежнейшим сердцем, всегда искренне заботилась о здоровье мужа.

Тем более после недавнего приключения на Стеклойной горе. В смысле, когда они оба вернулись в Лукошкино, надёжа-государь, он же рыцарь, паладин, Лоэнгрин мэйд ин Раша, на радостях запил, и пил ровно неделю! Так что нет, я ему не собутыльник, он же опять сорвётся, и тащи его за шиворот из синей ямы, а его величество руками-ногами упираться будет и мне же казнь грозить.

- Чего там у тебя приключилось, рассказывай.

- Кхм, ну если честно, то проблема серьёзная. - Я прокашлялся, огляделся по сторонам и вполголоса тихо прояснил государю сложившуюся ситуацию.

Горох охнул.

- Царица знает?

- Надеюсь, ещё нет. Но как только в вашей канцелярии вскроют официальное письмо...

- Немецкую слободу под охрану!

- Уже.

- Ягу твою, милейшую бабушку, чтоб её ангелы на небеса от нас живьём вознесли, спрячь где-нибудь подальше!

- Она в отделении, за ней Олёна смотрит.

- Кнута Гамсуновича велю сей же час...

- Он тоже в отделении, под Митиной охраной.

- Слушай, а зачем тебе вообще царь, если ты и так всё знаешь?! - на минуточку обиделся Горох, но так же быстро остыл. - К тебе поеду. Изволю с послом немецким да Бабою-ягой лично переговорить. А куда никому ни слова! Ежели только бояре мои прознают...

Двери распахнулись так, словно их тараном вышибли. Одна створка повисла на косяке, другая хлопала, словно флюгер на ветру, а на пороге стояла бледная от ярости царица Лидушка.

- Свет очей моих, - нежно пропел Горох, на всякий случай прячась за трон.

Государыня молча оторвала длинную полосу от собственного подола, связала её в узел, прикинула вес, покрутила над головой и пошла в атаку.

– Майн гот! Майн возлюбленный дальний кузен Йохан убит в твоей... моей... нашей России! Я всё знать, а ты мне всё молчать?!

– Это не совсем так, – попытался встрять я, героически закрывая грудью Гороха. – Пока есть только предположение, но нет фактов. Вы же не будете верить голословным обвинениям?

– О найн! Я сначала вас всех убить из-за моей горячей австрийской крови, а потом плакать и думать! Можно даже просто плакать, я, я, и совсем ничем не думать. Ферштейн зи?

Мы уворачивались, как могли, парчовая ткань, связанная в тугий узел, свистела в воздухе не хуже разбойничьего кистеня. Четверо стрельцов, пытавшихся врукопашную остановить гневную государыню, полегли на месте. Мат стоял такой, что я только диву давался, как эта нежная иностранная принцессочка столь быстро всё подхватывает?!

На каком-то этапе Горох просто оттолкнул меня в сторону, поднырнув ей под руку, и, блокируя удар, припал к губам супруги крепким мужским поцелуем. Лидия Адольфина замерла, оружие разрушения рухнуло на пол, побитые стрельцы быстро поползли к выходу, а я, морщась от боли в ушибленной пояснице, полез в тайный государев шкафчик за тронем, доставая бутылочку валерьяновой настойки на спирту. Нам всем надо было чуточку успокоиться.

– По пятьдесят?

Царь с царицей кивнули. Пили из маленьких серебряных стопок без тостов, просто потому что надо. Стрельцы по-тихому восстанавливали двери. Бояре, даже лояльные милиции, не рисковали и носу сунуть в зал для заседаний, так как теперь уже никто не знал, у кого более вспыльчивый нрав – у государя или у государыни. Но не лезть под горячую руку ума хватало всем.

– Давай-ка, Никита Иванович, друг сердешный, поведай нам ещё раз об сём деле.

– Я, я! Ви есть и мой добрый дрюг-полицай, битте шён, расскажите нам, как есть всё по-вашему без прикола. Найн, без протокола.

Что ж, я пожал плечами и, тихо вздохнув, видя, как Горох разливает по второй, ещё раз со всеми деталями рассказал всё, что знал. А как вы понимаете, знал я немного. Да и то немногое, признаться, с чужих слов. Собственно, со слов одного лица, Кнута Гамсуновича, хотя никаких доказательств в подтверждение выдвинутых обвинений он представить не смог.

Подчеркиваю, именно не смог, а не не успел.

– Допустим, кто-то там в Австрии вообразил, что их принц когда-то и зачем-то попёрся в Россию. Не буду спорить, принцев клинит на всю голову, они ребята эмоциональные, даже девичьи трупы целуют в губы, но мы-то здесь при чём? Откуда появилась информация, что именно наша Баба-яга была последней, кто его видел? Кстати! Даже если это и так, то с чего вдруг появились мысли, что она каким-то боком причастна к его (возможной!) смерти? Что, если австрийский принц Йохан спокойно уехал от Яги в ту же Финляндию, Польшу, да хоть в Китай, и до сих пор находится в гостях у местных мандаринов.

– У кого? – дружно спросили царь с царицей.

Мне пришлось вспомнить школьные знания и объяснять им, почему властелины Китая назывались фруктами. Ну или наоборот? Ох, блин... не знаю... как там, кто был первым, кого в честь кого назвали мандарином? Но не принципиально же!

– Письмо из канцелярен подать сразу мне, оно дас ист дипломатический почта, – начала Лидия Адольфина, чуточку подуспокоившись и накрывая свою стопку ладонью – ей хватит. – Боюсь, я быть вся как есть чрезмерно сгоряча?

– Я, я, – подтвердили мы с государем.

– Но если кто-то шпрехен, что немцы хотят экстрадишен вашей... моей... нашей Бабы-яги в... на суд в Нюрнберг, то будет бунт! Российский, жестокий унд беспощадный?

– Натюрлих, – переглянулся я с Горохом. – Так что, все втроём едем к нам в отделение?

Вот это, наверное, было бы самым разумным и правильным решением на тот момент, если бы, распахивая старательных стрельцов, в зал для заседаний не влетел запыхавшийся боярин Кашкин.

Дядька довольно древних лет, но бодрый, как огурец, и с такими же прогрессивными взглядами на работу правоохранительных органов. То есть он не только милицию любил, но и нашей бабушке при всех глазки строил. К тому же этот тощий дед и супротив всей боярской думы ни разу не побоялся встать на мою защиту! Стержень имел.

– Беда, государь! Народ на Немецкую слободу пошёл. Говорят, будто бы немцы всю нашу милицию под корень извести хотят в суде несправедном, в Гаагском!

– Коня мне! – взревел Горох, ибо мало того что у него нрав горячий, так ведь и пили только что, но не закусывали.

– Два раза коней! Их бин можно есть кобылу, – в голос поддержала Лидия Адольфина.

– Ну а я, видимо, следом на телеге поеду.

Мне с трудом удалось сохранить серьёзное выражение лица, представляя, как скромная Лидочка пытается есть кобылу. Впрочем, привычные ко всякому и невозмутимые стрельцы кинулись исполнять царский приказ, а я, пользуясь случаем, тихо подошёл к боярину.

– Кто сдал немцев, выяснили?

– Да дьяк Филька, кому оно ещё надо!

– Я сейчас очень занят буду. Как встретите, передадите ему от меня леща?

– Со всем моим удовольствием, – клятвенно пообещал Кашкин. – И от себя на орехи добавлю.

– Имейте в виду, что я, как сотрудник милиции, этого не слышал. А в остальном удачи!

Я втихую, не спеша, вышел из царского терема. Вот, значит, кто, пользуясь доступом к дипломатической переписке, полез вдохновлять горожан на «защиту родного отечества». А ведь сколько раз мы практически подводили этого мятежного балабола под статью, но каждый раз он успевал вывернуться, изображая из себя мученика власти и жертву милицейского режима.

Рыжая кобыла, запряжённая в телегу с надписью «Опергруппа», честно ждала у забора, пережёвывая какие-то случайные травинки. А из главных ворот уже резвым галопом вылетали два всадника, за которыми следом бодро бежали царские стрельцы с бердышами наперевес.

Ну, будем надеяться, что ничего серьёзного они там устроить не успеют. Еремеев заранее прикрыл слободу своими людьми, а простой народ в Лукошкине милицейским нарядам доверяет больше, чем царским. Это, наверное, хорошо. Всё должно решаться здесь и на месте, не дожидаясь прилёта федералов в голубом вертолёте с бесплатным кино.

Пока неспешно ехал развалиясь себе в телеге, народ традиционно сопровождал меня самыми разными комментариями.

– Гляньте, люди добрые, сыскной воевода опять без дела катается! Как, значит, мужа моего, сволочь и пьяницу, в поруб башкой макнуть, так ему заявление надобно. А ежели я сама то заявление только для его вразумления и пишу? Ежели, когда милиция припёрлася, я за мужа горой, хоть сама ту же милицию и вызывала?! У нас, баб, таковая весёлая логика... и чё?! Заарестуйте его, пьяницу, воспитанию ради, но и пальцем не трогайте, ибо муж он мне, вот так-то! Чего ж непонятного?

– Салам тебе, Никита Иванович-джан! А иноверцам в твоей милиции служить можно, э? Вот я дагестанец, мой дядя кумык, мой тесть чеченец, моя мама из под Саратова, так, может, к вам в отделение уже пора муллу пригласить, нет? Мы, мусульмане, очень-очень России верные! У нас даже оружие незарегистрированное есть. Пусти в милицию, а?

– Ой лышеньки, ой мамоньки, ой боженьки! И що? Ну коли милиция куда едет, нам с того горе или счастье, га? Що вы тут шумиху подняли, коли ни разу ни одной серьёзной проблемы нема?! От я ж верю милиции! Ежели куда едет, стало, ей туды и надоть. А все те ваши теории заговора, що там Запад творит, що они в той Европе надумали, шоб усим нам напакостить, дак я в то не верю. От глазами вижу, но не верю! А що вы хотели? От такая я сложносоставная баба-а...

И кстати, это всё не значит, что я слушал. Скорее вот это всё я просто не мог вытряхнуть из своих ушей! Народ у нас, в Лукошкине, очень разный, со всех областей Руси-матушки, а также из прилегающей местности. Честно говоря, по совести, лично мне до сих пор не ясно – мы (Лукошкино!) и есть вся пресвятая Русь? Или царь Горох правит своей определённой вотчиной, а в Московской, Тверской, Рязанской или Новгородской областях есть свои такие же цари? Всё возможно, я же тут ни разу толковую географическую карту не видел.

Когда наконец добрался до Немецкой слободы, то там уже всё было окружено бунтующим народом. Ну, в смысле как сказать «бунтующим»? Скорее оппозиционно настроенным! Ох, мать их, прародительницу Еву по языческому календарю, что же они тут все удумали-то...

– Пропустить милицию, православные! Ибо, ежели не милиция, тогда кто же за вас постоит?

Я остановил кобылу посреди колыхающейся волны народа, впритык к воротам Немецкой слободы. По периметру стояли вроде как неизвестно кем возбуждённые толпы.

Вру. Известно кем. И я его убью!

У немецких ворот дружно держали оборону суровые еремеевцы. Фитилей у пищалей не зажигали, но и ладоней с рукоятей сабель также убирать не спешили. Самого сотника видно не было, зато мне показали проклятого дьяка Фильку, смиренно изображающего коновязь.

То есть он держал поводья лошадей Гороха и его супруги. Сволочь!!!

Понятно, что в отсутствие Кнута Гамсуновича именно Лидия Адольфина сочла себя обязанной взять контроль над осаждённой слободой.

– Филимон Митрофанович, а вы что здесь делаете?

– Я уже заарестованный, ась? Тогда предъяви обвинение, участковый. А коли нет, так я на твои вопросы отвечать не обязан. Съел?!

– Я имею подозрения, что это вы сообщили боярам о письме австрийского короля Фридриха Вильгельма. То есть косвенно причастны к народным волнениям.

– Ничего не буду говорить без адвокату, раз собака ты легавая и есть!

Мне с трудом удалось удержать себя в руках. Но даже невооружённым глазом было видно, что этот ушлый тип нагло провоцирует меня на прямой арест с заламыванием рук за спину прямо тут, на глазах перевозбуждённой толпы. Причём люди ведь ни в чём не виноваты, они ещё и сами толком не знают, против чего собирались тут бунтовать. Им же просто бросили слух, что, дескать...

– Немцы в своей слободе царя подменили-и! – неожиданно громко тонким голосом взвыл дьяк. – Спасай государя, православные-е! Бей милици... ик!.. уй... ой?!

Договорить я ему не дал, поймав шею гражданина Груздева в удушающий захват.

Все вокруг замерли. Я молча передал задержанного стрельцам, попросил присмотреть за царскими лошадьми, а сам первым шагнул навстречу возмущённому народу.

– У кого ещё тут претензии к милиции?

– Дык дьяк... дьяк-то... от... чё... и энто, ась?!

– Мятежник, смутьян, дурак и просто пьянь зелёная. Пить у нас на Руси можно, но закусывать тоже стоит. Все в курсе?

– Знаем, и то верно же: как без закуски? – чуть ободрившись, с пониманием загомонили люди, но всё ещё не собираясь расходиться. – Так что ж, сыскной воевода, поди, война с немцами будет?

– Нет.

– Тады... э-э... слободу жечь рановато, что ль?

– Что-либо жечь в городе – это бандитизм, разбой и вообще арест на пятнадцать суток, – строго напомнил я. – Граждане лукошкинцы, вы не первый день меня знаете. Расходитесь по домам! Немцы из Немецкой слободы – наши родные немцы! Уж простите за тавтологию. В прошлый раз при нападении орды шамаханской кто Лукошкино оборонял, пока вы все в пьяном угаре валялись?

– Так ты ж сам просил...

– А вот это не важно! Важно то, что город отстояло ополчение Немецкой слободы, кто спорит?

– Дык чё ж... было такое дело... ну не каждый раз однако же. А и чё мы и вправду здесь собрались, православные? Кто помнит?

– Приглашаем всех на царский двор! – неожиданно появляясь в воротах, громко прокричал Горох. – Пять бочек зелена вина открыть для верных сынов нашего Отечества!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Это моя вина (нем). – Здесь и далее примеч. авт.

Купить: <https://tellnovel.com/andrey-belyanin/vzyat-zhivym-mertvogo>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)